

Независимая - 2004 - 24 нояб. - с. 10

Какая красивая пара – Наталия Гутман и Олег Каган много лет назад.

Фото из архива Московской филармонии

Моцарт и Сильвестров

Закрытие фестиваля памяти Олега Кагана

Евгения Кривицкая

Контраст классики и современности составил основное содержание заключительного концерта кагановского фестиваля. Яркие, озаренные светом концерты Моцарта – знаменитый 27-й фортепианный, в котором обаятельно и неожиданно романтично солировал Алексей Любимов, и Концерт для гобоя с оркестром, где перед публикой предстал потрясающий французский гобойст-виртуоз Франсуа Лелё. Лелё знает цену не только нотам звучащим, но и паузам, в которых заставляет буквально замирать публику. Очень качественно показал себя наш филармонический оркестр, за пультом которого был гость из Эстонии

Андреас Мустонен. Известный скрипач-аутентист, руководитель первого в Союзе ансамбля ренессансной музыки, он привнес свой стиль в интерпретацию Моцарта, заставляя оркестрантов слышать и передать все богатство его музыкальной интонации. Добавим сюда привычный для аутентистов "драйв" – и бурные восторги зала обеспечены.

Иным предстал "Реквием для Ларисы" украинского композитора Валентина Сильвестрова. Его творчество давно нашло признание у нас и на Западе у таких признанных пропагандистов современной музыки, как Татьяна Гринденко, Гидон Кремер, Алексей Любимов. Последний, кстати, в этом сезоне сыграл целую серию сильвестровских опусов, в частности "Пост-

людию" с РНО и дирижером Владимиром Юровским.

Посвященный памяти временно умершей жены – Ларисы Бондаренко, «Реквием» вряд ли необходимо сравнивать с классическими образцами этого жанра. Здесь все сугубо индивидуально – от трактовки текста (из канонического использованы отдельные фрагменты) до общей дискретности изложения. Мы словно парим в разреженном пространстве, движемся в режиме "стоп-кадра", где тревожно-угрожающие звучности сменяются неожиданными островками "красивой" музыки. В эти моменты Сильвестров прибегает к аллюзии на стиль Моцарта, символизирующий нечто идеально-прекрасное, как некогда было у Малера в его Четвертой симфонии. Этот при-

ем – посреди хаоса и амелодичной музыки кинуть взгляд в прошлое, ощутить катарсис, обращаясь к классике, – вещь, довольно обычная среди композиторов поколения Шнитке–Денисова. Однако реакция публики в данном случае была не столь однозначно положительная, как на недавнем фестивале того же Шнитке. В течение почти 40-минутного сочинения люди планомерно покидали зал. Не то чтобы это носило характер массового бегства – просто для многих метафизические размышления о жизни и смерти, высказанные непривычным языком, оказались выше сил. Понадеемся, что эта российская премьера окажется не последним исполнением "Реквиема" и что публика, если и не полюбит, то привыкнет. ■